

ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В ПОРЕФОРМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ: ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ РЕАКЦИИ

Г.Т. Илеуова

АННОТАЦИЯ

В общественных науках Казахстана социальная напряженность чаще определяется как негативное понятие, которое характеризует общество, как нестабильное, склонное к потенциальному конфликту. При этом состояние социальной напряженности с необходимостью должно быть обязательно изжито. Смысловая наполненность понятия «социальная напряженность» разнится от автора к автору, приобретая то расширительное, то суженное толкование. Зачастую описание социальной напряженности практически не отличается от описания социального самочувствия населения, сходно с выявлением перечня беспокоящих социально-экономических проблем с последующим выходом на возможную протестную активность. Исходя из такого взгляда, в Казахстане за истекшие три десятилетия практически не было периода, когда бы актуальность проблемы социальной напряженности не ставилась под сомнение.

В данной статье использован междисциплинарный подход к анализу социальной напряженности, включающий рассмотрение физиологических, психофизиологических и социально-психологических аспектов социальной напряженности с упором на эмпирическую базу социологических опросов. В работе высказывается идея ограниченности во времени социальной напряженности, в связи с этим использовались результаты опросов населения, проведенных в периоды, отнесенные автором к кризисным. Это период мирового финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг., затронувшего в значительной мере и экономику Казахстана, и период, связанный с мировой пандемией ковид-19 (2020–2022 гг.). В качестве контрольных данных приводятся результаты опроса бескризисного 2024 г.

В статье проводится классификация мониторинговых социологических показателей (9 вопросов анкет) согласно указанным аспектам. На основе данных автор делает вывод об отсутствии физиологических и психофизиологических причин для развертывания социальной напряженности с переходом в протестную активность в период 2009–10 гг. В то время как в период 2021–22 гг. был сформирован корпус психофизиологических причин для перехода их на социально-психологический уровень, сопровождавшийся впоследствии повышением неодобрения работы правительства и увеличением протестной активности.

Ключевые слова: социальная напряженность, адаптация, дезадаптация, протестная активность, физиологические аспекты, психофизиологические аспекты, социально-психологические аспекты.

Общественный фонд «Центр социальных и политических исследований «Стратегия», Казахский Национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Автор-корреспондент:
Илеуова Г.Т.
gulmira@ofstrategy.kz

Ссылка на данную статью:
Илеуова Г.Т. Проявления социальной напряженности в пореформенном Казахстане: общественные настроения и поведенческие реакции // Адам әлемі. – 2025. – №4 (103). – С. 84–97.

Реформадан кейінгі Қазақстандағы әлеуметтік шиеленістің көріністері: қоғамдық көңіл-күй мен мінез-құлық реакциялары

Аңдатпа. Қазақстанның қоғамдық ғылымдарында әлеуметтік шиеленіс көбінесе қоғамды тұрақсыз, ықтимал қақтығыстарға бейім ретінде сипаттайтын жағымсыз ұғым ретінде қарастырылады. Осыған байланысты әлеуметтік шиеленіс жағдайы міндетті түрде еңсерілуі тиіс құбылыс ретінде қабылданады. «Әлеуметтік шиеленіс» ұғымының мазмұны әр авторда әртүрлі болып, кейде кеңейтіліп, кейде тар мағынада түсіндіріледі. Көп жағдайда әлеуметтік шиеленісті сипаттау халықтың әлеуметтік көңіл-күйін сипаттаудан көп айырмашылығы болмайды және әлеуметтік-экономикалық мәселелердің тізімін анықтап, олардың негізінде ықтимал наразылық әрекеттеріне көшу мүмкіндігін көрсетеді. Осындай көзқарас тұрғысынан алғанда, соңғы отыз жылда Қазақстанда әлеуметтік шиеленіс мәселесінің өзектілігіне күмән келтірілген кезең болған емес деуге болады.

Осы мақалада әлеуметтік шиеленісті талдау үшін физиологиялық, психофизиологиялық және әлеуметтік-психологиялық аспектілерді қамтитын пәнаралық әдіс қолданылған. Бұл ретте социологиялық сауалнамалардың эмпирикалық деректеріне ерекше назар аударылған. Мақалада әлеуметтік шиеленістің уақытпен шектелетін құбылыс екендігі туралы пікір ұсынылады. Осыған сәйкес, автор тарапынан дағдарыстық деп танылған кезеңдерде жүргізілген халықтық сауалнамалардың нәтижелері пайдаланылады: 2008–2010 жылдардағы әлемдік қаржы-экономикалық дағдарыс (Қазақстан экономикасына да елеулі әсер еткен) және

2020–2022 жылдардағы Covid-19 жаһандық пандемия кезеңдері. Бақылау үшін дағдарыссыз 2024 жылдың сауалнама нәтижелері келтірілді.

Мақалада мониторингтік социологиялық көрсеткіштер (9 сұрақтан тұратын сауалнама) аталған аспектілер бойынша жіктелген. Жинақталған деректер негізінде автор 2009–2010 жылдары әлеуметтік шиеленістің наразылық әрекетіне ұласуына себеп болатын физиологиялық және психофизиологиялық алғышарттар болмаған деген қорытынды жасайды. Ал 2021–2022 жылдары психофизиологиялық себептердің қалыптасып, олардың әлеуметтік-психологиялық деңгейге өтуі байқалған, бұл үдеріс үкімет жұмысына деген наразылықтың артуымен және наразылық белсенділігінің күшеюімен қатар жүрген.

Түйін сөздер: әлеуметтік шиеленіс, бейімделу, бейімделусіз, наразылық белсенділігі, физиологиялық аспектілер, психофизиологиялық аспектілер, әлеуметтік-психологиялық аспектілер.

Manifestations of Social Tension in Post-Reform Kazakhstan: Public Sentiments and Behavioral Reactions

Abstract. In the social sciences of Kazakhstan, social tension is most often defined in negative terms, characterizing society as unstable and prone to potential conflict. Consequently, the state of social tension is viewed as a phenomenon that must necessarily be eradicated. The semantic content of the concept of “social tension” varies from author to author, sometimes taking on a broader, sometimes narrower interpretation. Frequently, descriptions of social tension are almost indistinguishable from descriptions of the population’s social well-being, closely linked to the identification of a list of pressing socio-economic issues, which may subsequently lead to potential protest activities. From this perspective, over the past three decades in Kazakhstan, there has virtually been no period during which the relevance of the issue of social tension has been called into question.

This article adopts an interdisciplinary approach to analyzing social tension, incorporating the examination of physiological, psychophysiological, and socio-psychological aspects, with a particular emphasis on empirical data drawn from sociological surveys. The paper advances the idea that social tension is temporally limited. Accordingly, it utilizes survey results collected during periods identified by the author as crisis periods: namely, the global financial and economic crisis of 2008–2010, which significantly impacted Kazakhstan’s economy, and the global covid-19 pandemic (2020–2022). As a control, survey results from the non-crisis year of 2024 are also presented.

The article classifies sociological monitoring indicators (based on nine questionnaire items) according to the aforementioned aspects. Based on the data, the author concludes that during 2009–2010 there were no physiological or psychophysiological causes sufficient to escalate social tension into protest activity. In contrast, during 2021–2022, a set of psychophysiological factors emerged that transitioned to the socio-psychological level, subsequently accompanied by a rise in dissatisfaction with the government’s performance and an increase in protest activity.

Key words: Social Tension, Adaptation, Disadaptation, Protest Activity, Physiological Aspects, Psychophysiological Aspects, Socio-Psychological Aspects.

Введение

Понятие «социальная напряженность» (далее – СН) давно и, как кажется, прочно вошло в тезаурус казахстанских социологов и политологов. Более того, за годы независимости о социальной напряженности как о перманентной характеристике состояния общества можно прочитать и в научных трудах, и на страницах публицистических изданий, услышать в выступлениях представителей государства и увидеть в комментариях к этим выступлениям в социальных сетях. При этом обращает внимание, что восприятие данного понятия на разных уровнях общества примерно одинаковое. Социальная напряженность определяется как «плохое», негативное понятие, которое характеризует общество, как, скорее, нестабильное, склонное к потенциальному конфликту, а состояние социальной напряженности с необходимостью должно быть обязательно изжито. Вместе с тем интересно, что смысловая наполненность понятия «социальная напряженность» разнится от автора к автору, приобретая то расширительное (с включением большого числа индикаторов), либо суженное (на основе одного показателя) толкование. Отметим и то, что зачастую описание социальной напряженности в малой степени отличается от описания социального самочувствия населения, выявления перечня беспо-

коящих население социально-экономических проблем и т.п. Это приводит к тому, что если посмотреть в исторической ретроспективе, то за истекшие три десятилетия в Казахстане не было периода, когда бы актуальность проблемы социальной напряженности под воздействием направленных действий со стороны субъектов – будь то из государственного или гражданского секторов – заметно увеличивалась или существенно уменьшалась.

Возникают вопросы: насколько правомерно присваивать понятию только один, при этом негативный, смысл? Возможно ли нахождение иного содержания данного понятия, полагая, что явление под ним скрывающееся вполне объективно и носит долговременный характер? Или же социальная напряженность – это состояние общества, которое не носит длительный характер, имеет свою структуру, стадии, причины появления и затухания, а потому на нее можно воздействовать и, возможно, даже прогнозировать?

Не отрицая значения СН в том понимании, которое распространено среди отечественных исследователей и экспертов, хотелось бы обратить большее внимание на проявления социальной напряженности в качестве адаптационного механизма в условиях (резкого) изменения социальной среды, а также возможных конструктивных сторон этого явления.

Методология

В отечественной социологической и политологической науке, в целом, сложился консенсус в важности понимания влияния социальной напряженности на стабильность общества [1, 2, 3]. В качестве инструмента изучения социальной напряженности чаще всего выступает мониторинговый подход, позволяющий анализировать изменения параметров социальной напряженности, например, таких, как протестная активность: «Мониторинг социальной напряженности и протестной активности является одним из методов выявления и своевременного регулирования опасных тенденций, роста их уровня для предотвращения кризисных явлений» [4, с. 278;]. Также надо отметить, что были попытки создания целевых индексов социальной [5] или межэтнической [6] напряженности как по стране, так и по отдельным регионам [7]. Т. е., изучение социальной напряженности связано с превентивным подходом, в качестве способа выявления возможных очагов нестабильности в обществе [8].

В настоящее время очагами потенциальной нестабильности могут выступать трудовые коллективы, «в Казахстане, как и во всем мире, происходит рост запроса на социальную справедливость, кризис доверия всем институтам, отстаивание своих трудовых прав посредством трудовых конфликтов» [9], а также места компактного проживания представителей различных этносов [10].

Таким образом, мы согласны, что мониторинг социальных показателей, позволяющий отслеживать динамику ситуации, характеризовать ее, является важнейшим исследовательским инструментом. Вместе с тем хотим обратить внимание на следующее обстоятельство: состояние социальной напряженности не может быть длительным, поскольку такие состояния требуют значительной мобилизации сил граждан и напряжения социальных связей в обществе, и могут заканчиваться социальными взрывами, революциями, сменами власти. Т.е., СН имеет объективные временные ограничения с двумя сценариями выхода из кризисного состояния: негативным (открытый протест) и конструктивным (по А.С.Ахиезеру – с использованием медиации).

Выдвинем гипотезу, что за последние десятилетия в истории Казахстана как минимум два периода могут быть отнесены к кризисным, и поэтому должны были сопровождаться социальной напряженностью. Это период мирового финансово-экономического кризиса 2008-2010 гг., затронувшего в значительной мере и экономику Казахстана, и период, связанный с мировой пандемией covid-19 (2020-2022 гг.).*

В связи с этим нами было принято решение использовать их для изучения в качестве временных рамок СН.

В данной статье в качестве методологической основы будет использован трехаспектный подход к анализу социальной напряженности, предложенный психологом А.Н.Суховым. В качестве эмпирической базы выступают результаты собственных опросов населения Общественного фонда «ЦСПИ «Стратегия» (мониторинговый блок проекта «Евразийский монитор»), а также опроса, выполненного в августе 2021г. (грантовый проект МОН РК «Протестный потенциал в Казахстане: особенности, факторы и тренды»). В качестве контрольных привлекались данные опроса декабря 2024г. (грантовый проект МОН РК «Политическое участие в Казахстане: динамика и возможности расширения») поскольку этот год, несмотря на свою сложность, кризисным признан не был.

Группировка результатов осуществлялась на стыке психологического и социологического подходов, при этом результаты опросов населения выступили показателями социальной напряженности. Обращаем внимание, чтобы не перегружать статью, а также для удобства чтения, в тексте использовались данные двух лет в каждом периоде и были введены условные обозначения: кризис 1. (опросы 2009 и 2010 гг.) и кризис 2. (опросы 2021 и 2022 гг.).

Основная часть. Аспекты социальной напряженности

Как уже указывалось выше, социальную напряженность (СН) в Казахстане и ее влияние на протестность и конфликтность в обществе исследуют достаточно часто. Однако на основе социологических данных редко изучается то, как формируется СН, какова ее длительность, какие стадии она проходит, какое влияние, кроме экономических и социальных факторов, оказывают другие аспекты, например, психологические.

В связи с анализируемой темой можно привести исследование, проведенное сотрудниками Института философии, политологии и религиоведения в 2014 г., с акцентом на региональные различия факторов, приводящих к социальной напряженности и протестной активности. В данной работе не дается авторского определения социальной напряженности, но указано, что под СН «обычно понимают характеристику состояния социальной системы, выражающуюся в повышении ее нестабильности, вызванной нарушением прав индивидов на удовлетворение их потребностей» И далее указывается, что СН способствует разрушению старых связей в обществе и в результа-

* В данном контексте мы основываемся на информации о том, что в августе 2022 года все регионы страны вошли в

«зеленую» зону по заболеваемости ковидом. Вместе с тем полное окончание пандемии Казахстан, вслед за всеми другими странами мира, признал в мае 2023 г.

те приводит к уменьшению социального капитала и доверия [4, с. 280].

В методологической части проекта авторы выделили элементы структуры социальной напряженности, имеющие, по нашему мнению, значение для описания причин возникновения СН с помощью социологических данных:

1. Социально-психологический элемент напряженности – доминирование негативных настроений и переживаний в повседневной жизни людей, формирование и развитие стрессовых реакций в ответ на условия жизни, неумение приспособиться к новым социальным и экономическим реалиям, распространенность многочисленных форм социальных конфликтов и рост числа людей, готовых к действиям, разрушительным по отношению к существующей социальной структуре.

2. Социально-экономический элемент напряженности – снижение социальной солидарности, консолидации в социуме, рост имущественной разобщенности.

3. Политический элемент СН – изменение социально-политических ориентаций, идеологических и ценностных установок, которое происходит у членов социума под влиянием действующих продолжительное время неблагоприятных социально-политических факторов [4, с. 286-287].

Считаем, что предложенная структура социальной напряженности может быть признана вполне рабочей. Однако авторы публикации Института не показали, как именно использовали ее для описания СН на региональном уровне, ограничившись линейным анализом полученных мониторинговых данных (за 2013 и 2014гг.) [4, с. 288-314].

Отличающимся от описанного можно считать подход к СН психологов, в частности, нам импонирует позиция российского психолога А.Н.Сухова, который, исходя из того, что «социальная напряженность – это массовый адаптационный синдром, который отражает во многих случаях степень дезадаптации различных категорий населения к хронической фрустрации (понижению уровня жизни к социальным изменениям)» [11, с. 48], предлагает рассматривать аспекты СН с учетом психологического фактора. Итак, социальная напряженность возникает в силу:

а) физиологической дезадаптации определенных слоев населения к трудностям (например, невозможности приспособиться к повышению цен без снижения уровня жизни), что объясняет ухудшение социально-демографической ситуации;

б) психофизиологической дезадаптации населения, выражающейся в виде неосознаваемых массовых психических состояний (тревожности, компенсаторных реакций – агрессии, апатии) при приспособлении к трудностям и социальным изменениям;

в) социально-психологической дезадаптации, отражающей осознанные конфликтные ситуации некоторых слоев населения к трудностям и социальным изменениям, проявляющиеся в повышенной политизации, забастовках, недовольстве, пессимизме, миграции, эмиграции, разгуле преступности и т.п. [11, с. 47-48].

Такой подход применительно к социологии позволяет локализовать проявления СН во временном отношении, фиксировать с помощью социологических инструментов стадии развертывания социальной напряженности – от ее зарождения/появления первых сигналов до определенного завершения. Причем мы согласны с высказанными мнениями, что возникновение социальной напряженности не обязательно заканчивается конфликтом или выходом на открытый протест [1].

В свою очередь для динамики СН важное значение оказывает то, является ли она стихийной или в ней заинтересованы некие силы, канализирующие напряженность в своих интересах. Также важна степень проявления фоновых причин (общих для всех или многих групп, регионов, страны в целом) в конкретный период времени (обострение экономического кризиса, транзит власти) и наличие потенциальных очагов, в которых социальная напряженность в силу особых обстоятельств приобретает наибольшую значимость (трудовые споры, межэтнические и иные социальные разногласия, сложная экологическая обстановка, разгул криминалитета и т.п.).

Таким образом, применяя классификацию А.Н.Сухова, базирующуюся на феномене адаптации/дезадаптации, считаем возможным для анализа определять СН через следующие аспекты:

1. физиологические;
2. психофизиологические;
3. социально-психологические.

Очевидно, что, будучи представителем социологической отрасли и не имея результатов специальных психологических исследований, мы попытались описать аспекты социальной напряженности с помощью результатов социологических исследований. В Таблице 1 представлены выделенные аспекты СН и формулировки мониторинговых вопросов социологических опросов, которые, по нашему мнению, раскрывают суть того или иного аспекта.

Таблица 1- Классификация аспектов социальной напряженности

Аспекты	Вопросы анкеты
физиологические	Перечень актуальных проблем; Оценка материального положения семьи; Оценка потребительского потенциала

психо-физиологические	Оценка ситуации в стране; Общественные настроения; Социальный оптимизм
социально-психологические	Удовлетворенность индивида жизнью; Одобрение деятельности правительства Протестное поведение

Состояние физиологических аспектов

Описание состояния социальной напряженности очень часто начинается, а иногда и заканчивается, перечнем проблем, которые волнуют население страны, поскольку именно сами проблемы рассматриваются как источник СН, а потому как причина протестной активности. По итогам опроса 2010г. социолог А.Жусупова приводит иерархию наиболее значимых проблем для населения, в числе основных: рост цен на продукты питания (72,4%), безработица (39,5%), рост тарифов на коммунальные услуги (28,6%), рост цен на промышленные товары и услуги (24,1%) и далее замечает: «Подавляющее большинство населения считает, что кризис в Казахстане будет сопровождаться ростом преступности и социальной напряженности:

- 89,4% полагает, что произойдет рост социальной напряженности;
- 85,1% респондентов полагает, что увеличится уровень преступности». [3, с. 10].

В 2015г. политолог М.Нургалиева, изучившая вопросы уровня жизни казахстанцев и проблемы социального неравенства, указывала, что «протестный потенциал, также как и распространенность протестных настроений – невысокие. Респонденты считают, что акции протеста скорее маловероятны. Однако перечень причин, по которым могут состояться протестные выступления, достаточно внушителен. Вызвать протесты могут безработица, низкий уровень зарплат, рост цен и тарифов, девальвация и инфляция, нарушение прав человека и коррупция, социальное неравенство и еще ряд различных проблем» [12, с. 66].

Если обратиться к результатам мониторинга ОФ «ЦСПИ «Стратегия», привлекаемого для

описания физиологических аспектов социальной напряженности, то можно сказать, что в ретроспективе перечень актуальных проблем населения в целом совпадает с результатами опросов других казахстанских социологов. Это рост цен на продукты и товары первой необходимости, беспокоящий более половины населения и в кризис 1, и в кризис 2, и в 2024г.; низкий уровень доходов, на который указывает около трети населения; проблемы безработицы, важность которой в 2009-10гг. была высокой (на уровне трети), снизилась в 2021-22гг. до пятой части опрошенных, в 2024г. вновь повысила свою актуальность (до трети); низкое качество здравоохранения, на которое регулярно жалуется значимое число казахстанцев. Вместе с тем результаты опросов фиксируют снижение актуальности для населения проблем коррупции, а также некоторое снижение озабоченности преступностью.

Не ставя перед собой задачу полного анализа социальных проблем населения за период независимости страны, отметим, что, к сожалению, они стали частью социально-экономического ландшафта страны, и теперь могут быть отнесены в большей мере к фоновым условиям, а потому не влияющими напрямую на состояние социальной напряженности. И очевидно, что успешное решение жизненных проблем показывает, с одной стороны, что у населения Казахстана ресурсы адаптации все еще не истощены, но с другой, каждодневное напряжение сил на протяжении длительного периода времени может привести к накопительному эффекту и в условиях резких изменений в экономике способствовать нарастанию социальной напряженности и в дальнейшем к протестной активности.

Таблица 2-Проблемы, которые беспокоят население (выбор не более трех вариантов ответа)

Проблемы	2009 г.	2010 г.	2021 г.	2022 г.	2024 г.
Рост цен на продукты, товары первой необходимости	61%	59%	53%	57%	74%
Низкий уровень доходов	35%	38%	32%	29%	31%
Проблема безработицы	41%	30%	21%	20%	30%
Высокая оплата учебы в вузах	25%	26%	нет данных	нет данных	26%
Низкое качество здравоохранения	26%	28%	10%	14%	25%
Проблема выплаты кредита	нет данных	10%	нет данных	15%	23%
Отсутствие собственного жилья	14%	17%	15%	12%	21%
Низкое качество образования	10%	11%	6%	7%	17%

Коррупция	22%	21%	29%	14%	15%
Экологические проблемы	11%	10%	3%	6%	15%
Преступность	18%	12%	7%	5%	10%
Низкий уровень пенсий	13%	15%	5%	7%	9%
Плохое состояние дорог	12%	14%	нет данных	10%	20%

При рассмотрении такой составляющей физиологического аспекта социальной напряженности как оценка материального положения индивида и его семьи в кризисных ситуациях заметна очевидная зависимость: снижается доля тех, кто полагает, что их материальное положение хорошее/очень хорошее при практически таком же увеличении числа тех, кто называет свое матположение плохим и очень плохим. Вместе с тем, несмотря на колебания показателей долей позитивных и негативных ответов, во все рассматриваемые периоды самой большой является группа тех, кто оценивает экономическое положение своей семьи, как среднее (53-67%), что можно считать стабилизирующим фактором, показывающим наличие адаптационного потенциала семей.

Данные в период кризиса 1. показывают сравнительно быстрое восстановление материального положения казахстанских семей: после «проседания» показателей в 2009г. как реакции на события 2008г., уже в 2010г. произошло увеличение доли тех, кто считал, что семейное материальное положение хорошее (с 18 до 30%) при уменьшении доли отрицательных ответов (матположение плохое – с 14 до 9%).

Вызывает интерес то, что распределение долей по матположению семей по окончании коронкризиса не изменилось: в 2024г. число тех, кто считает положение семей плохим, остается на уровне 2022г. (15% и 16%) при сравнительно высоких долях тех, кто называет семейное положение хорошим (30% и 28%).

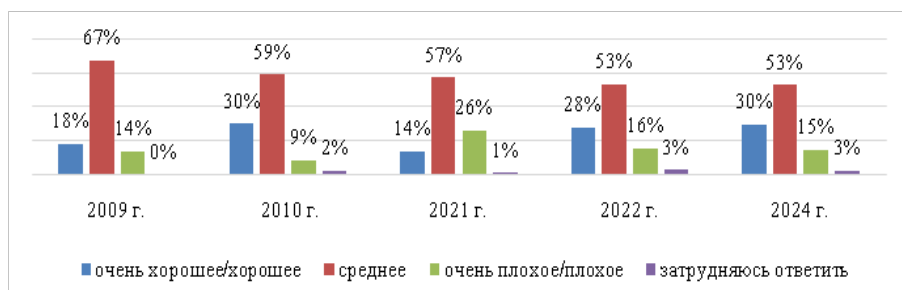

Рисунок 1- Как бы Вы оценили в настоящее время материальное (экономическое) положение Вашей семьи? (результаты мониторинговых опросов)

Если рассмотреть экономическое положение респондентов более внимательно, сквозь призму их потребительских возможностей, то можно заметить, что с точки зрения потребления кризис 1. казахстанцы прошли довольно легко. Так, в 2009г. каждый десятый опрошенный сказал, что денег не хватает даже на продукты, а в 2010г. доля таких уменьшилась более чем в 2 раза, до 4%. Но при этом число тех, кого можно отнести по потреблению к нижнему среднему слою (самому массовому в условиях Казахстана), т. е., тех, кто испытывает затруднения при покупке товаров длительного пользования, оставалось на одном уровне (41–43%).

Прохождение кризиса 2. отличалось заметной амплитудой оценок. В 2021г. имело место существенное увеличение доли тех, кого можно отнести к малообеспеченным и бедным слоям (41% в сумме), и также заметное снижение нижнего среднего слоя (36%). В

2022г. число бедных (денег не хватает даже на питание) все еще оставалось высоким (7%), но при этом восстановились доли среднего нижнего и среднего высокого (можем без труда покупать товары длительного пользования) слоев. В 2024г. доли бедных слоев снизились в сумме до 19%, число респондентов со средними и выше средних доходов увеличилось.

Резюмируя, можем сделать вывод, что на уровне физиологических аспектов казахстанцы в кризисные периоды показывают хорошие способности адаптироваться к изменяющимся условиям, и даже несмотря на временные «проседания» показателей удовлетворенности материальным положением и уровня потребительского потенциала, в течение года-двух происходит стабилизация этих показателей, дезадаптация если и есть, то фиксируется в отдельных социальных группах, а не на всем обществе.

Рисунок 2 – К какой из следующих групп населения Вы скорее могли бы себя отнести? (результаты мониторинговых опросов)

Состояние психофизиологических аспектов

Сравнительно спокойные показатели физиологических основ социальной напряженности заметно контрастируют с состоянием психофизиологических аспектов СН. Это хорошо видно на оценках ситуации в стране. В период кризиса 1. большинство населения оценивало ситуацию в стране как благополучную, спокойную (54%), хотя мы не можем не отметить колебание долей положительных и отрицательных ответов в эти годы. Так, например, в 2009г. 6% называли ситуацию критической, взрывоопасной, больше трети считали ее неясной, напряженной, а уже в 2010г. доля полагающих, что ситуация напряженная, упала до четверти, а с мнением, что ситуация в стране благополучная были согласны 72% опрошенных.

В 2021 г. только четверть опрошенных считала, что ситуация в Казахстане благополучная, спокойная, с точки зрения 60% у страны были проблемы, на основе которых положение дел можно было назвать напряженным и взрывоопасным, а каждый шестой затруднился с диагнозом. В 2022 г. оценки улучшились (47% стали считать, что ситуация в стране благополучная), однако все еще высокой (47%) оставалась доля тех, кто считал, что положение дел в стране напряженное или даже взрывоопасное. При этом итоги 2024г. показывают, что произошла стагнация оценок, мнение населения практически не изменилось по сравнению с 2022 г. и даже несколько ухудшилось (на 3% снизилось число положительных ответов с 47% до 44%).

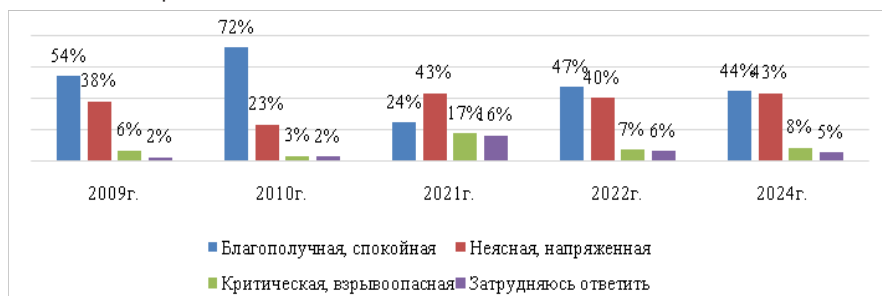

Рисунок 3 – В целом как бы Вы оценили ситуацию в Казахстане на сегодняшний день? (результаты мониторинговых опросов)

Еще один из вопросов, характеризующих психофизиологический аспект социальной напряженности, – оценка наиболее распространенного настроения среди населения. В кризис 1. главным настроением была надежда, она была присуща 56% опрошенных. В период кризиса 2. надежда хоть и оставалась главным настроением, но ее доля была заметно ниже: в 2021г. она упала до 30%, в 2022г. ее показатель достиг 46%, но надежда не стала доминирующим настроением в обществе и по окончании

коронакризиса в 2024г. (35%).

Заметны колебания распространенности в рассматриваемые периоды такого настроения, как уверенность в завтрашнем дне. В кризис 1. его показатели оставались довольно высокими (в 2009г. – 17%, в 2010г. – 23%). В 2021г. только 5% испытывали уверенность в будущем, в 2022г. показатели уверенности повысились до 14%, но не достигли высоких значений 2010г. (в 2024г. – 17%). В то время как настроение сомнения, отсутствия видения

четких перспектив, достигнув в 2021 г. 27% остается на этом же уровне и в 2022 г. (26%), и в 2024 г. (27%).

Практически не проявленное в 2009-10гг. настроение разочарования и безысходности (3–5%), в кризис 2. стало заметным: в 2021 г.

его испытывали 21% опрошенных, в 2022 г. – 11%, отметим его повышение в 2024г. до 16%. Вместе с тем чувства раздражения и агрессии, которые в 2021г. достигли 12%, быстро упали до «обычных» 2% в 2022г. и сохраняются практически на том же уровне в 2024 г. (3%).

Рисунок 4- На Ваш взгляд, какое настроение характерно для большинства населения в настоящее время? (результаты мониторинговых опросов)

По нашему мнению, социальный оптимизм выступает важной психофизиологической характеристикой СН. И, как видим, в период кризиса 1. оптимизм населения оставался на высоком уровне: около половины населения считала, что через год будет жить лучше, чем сейчас, при 5–8% предполагающих противоположное (будем жить хуже). В 2021 году только 37% были положительно настроены на будущее, 13% предполагали ухудшение жизни, а 29% затруднялись с ответом. В 2022г. оценки населения несколько скорректировались: увеличились доли социальных оптими-

стов и тех, кто считал, что изменений в жизни не будет. Обращают внимание результаты опроса 2024г., показавшие, что самой большой в обществе стала доля прагматиков-реалистов (46%), не ожидающих значимых изменений в своей жизни (ни положительных, ни отрицательных). Эти результаты совершенно иные в разрезе изучаемых периодов и могут быть рассмотрены, как начало некоего нового тренда: отход от инфантильных ожиданий «светлого» будущего и формирование реалистических оценок на основе восприятия наличествующей жизненной ситуации.

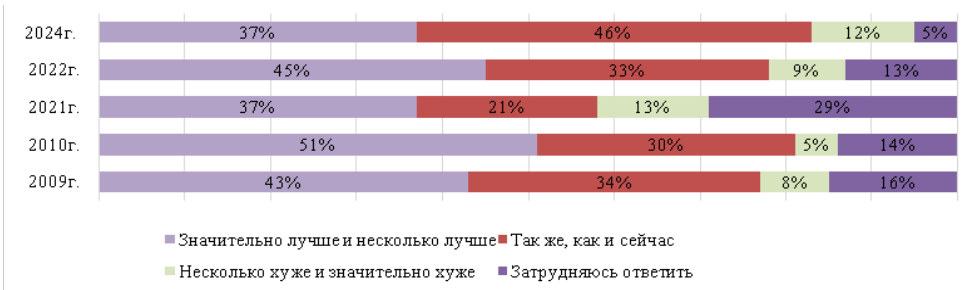

Рисунок 5- Как Вы считаете, через год Вы (Ваша семья) будете жить лучше или хуже, чем сейчас? (результаты мониторинговых опросов)

Таким образом, результаты опросов показывают, что имеет место отличающееся состояние психофизиологических аспектов социальной напряженности в разные временные периоды. Кризис 1. общество прошло сравнительно безболезненно, быстро приспособившись к возникшим сложностям, люди в течение года восстановили положительные оценки ситуации в стране (ситуация благополучная), не теряя при этом надежду и оптимизм. В то время как последствия пандемии (кризис 2.) оказали и продолжают оказывать существенное дестабилизирующее влияние на население Казахстана на психофизиологическом уровне: выше 40% разделяют мнение, что ситуация в стране неяс-

ная, напряженная; четверть согласны с мнением, что в населении распространены неуверенность, отсутствие ясных перспектив на будущее, на уровне шестой части населения присутствуют разочарование и чувство безысходности. Количество оптимистов заметно уменьшилось, и если все предшествующие годы наблюдений оно всегда было выше доли других групп, то к 2024г. основной группой стали прагматики-реалисты; число пессимистов сформировалось на уровне десятой части. Вместе с тем в 2022 и 2024 гг. показатели раздражения и агрессии не превышают статистически значимых величин, при том, что в 2021 г. количество испытывающих агрессию составляло 12%.

Состояние социально-психологических аспектов

Результаты опроса периода кризиса 1. показывают, что одобрение деятельности правительства, несмотря на всю сложность социально-экономической ситуации в 2008-2010гг. оставались высокими: более 60% одобряли работу органа исполнительной власти, пятая часть не одобряла и скорее не одобряла, чуть меньше пятой части не имела мнения по этому вопросу.

Совершенно иначе складывались оценки правительства в период второго кризиса: в 2021 г. уже почти половина опрошенных (47%) не одобряла и скорее не одобряла ра-

боту правительства, позитивно оценивали правительство только 28%, каждый четвертый затруднялся с ответом. В 2022 г. оценки скорректировались – количество одобряющих ответов выросло, но все еще не достигло устойчиво высоких результатов (42%), при этом каждый третий мог быть отнесен к числу неодобряющих работу правительства, каждый четвертый – к затрудняющимся с ответом. В 2024г. количество одобряющих работу правительства несколько повысилось (47%), но при этом увеличилось число тех, кто не одобряет и скорее не одобряет работу исполнительной власти (40%) за счет снижения доли затруднившихся с ответом (13%).

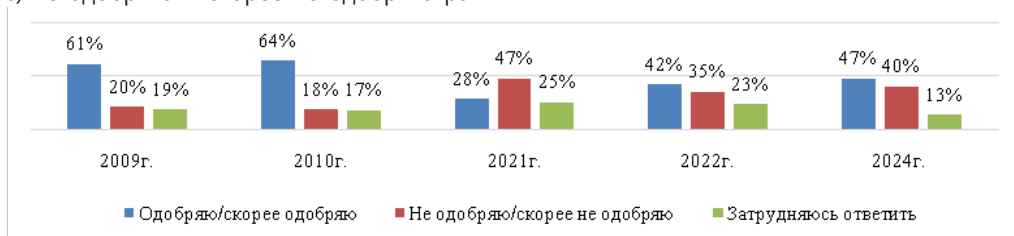

Рисунок 6- Одобряете ли Вы деятельность правительства? (результаты мониторинговых опросов)

Рассмотрим далее, какие другие социально-психологические аспекты СН показывают состояние адаптации казахстанцев. Прежде всего, это такой важнейший социальный показатель как уровень удовлетворенности населения своей жизнью. Отметим характерную особенность в этой связи: показатель удовлетворенности жизнью казахстанцев на протяже-

нии всех рассматриваемых периодов всегда оставался сравнительно высоким – выше 50%. Вместе с тем если в кризис 1. он не опускался ниже 65%, то в последующие замеры он упал до 58% и остается на этом же уровне вплоть до 2024 г. Сохраняется на одном уровне и доля тех, кто не удовлетворен/скорее не удовлетворен своей жизнью (35–36%).

Рисунок 7- Скажите, в целом, Вы удовлетворены или не удовлетворены жизнью, которую ведете? (результаты мониторинговых опросов)

Таким образом, как показывают вышеприведенные данные, от четверти до трети опрошенных в разные годы были в той или иной степени не удовлетворены своей жизнью. Отражается ли эта неудовлетворенность в поведенческом отношении? Куда уходит энергия возникающей социальной напряженности? Становятся ли люди более активными, например, в протестном отношении?

Попытаться ответить на эти вопросы мы можем с привлечением нескольких вопросов,

поскольку не располагаем мониторинговыми данными по всем изучаемым периодам. Итак, в 2009г. в самый разгар финансово-экономического и ипотечного кризиса 69% опрошенных не считали для себя допустимым принимать участие в массовых акциях протеста (выступлениях, митингах) против роста цен, безработицы и падения уровня жизни. 20% такую личную возможность допускали или скорее допускали. Каждый десятый затруднялся с ответом.

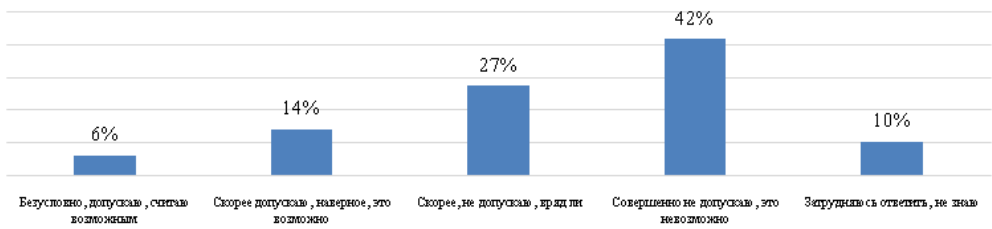

Рисунок 8- Допускаете ли Вы для себя лично (считаете возможным) или не допускаете участие в массовых акциях протеста (выступлениях, митингах) против роста цен, безработицы и падения уровня жизни? (опрос, ноябрь 2009 г.)

В 2021г. 58% опрошенных в случае, если в их городе или селе состоятся протестные выступления с социально-экономическими требованиями, скорее всего не примут в них

личного участия. 17% такую возможность для себя не исключали. Каждый четвертый затруднялся с ответом на этот вопрос.

Рисунок 9- Если в Вашем городе/селе состоятся протестные выступления с социально-экономическими требованиями, Вы лично примете в них участие или нет? (опрос, август 2021г.)

Ответы на мониторинговый вопрос о том, как поступят казахстанцы в случае ухудшения социально-экономической ситуации в стране, показывают, что основной выбор ими делается с упором на две поведенческие стратегии в рамках конвенционального подхода – терпеливо ждать лучших времен и самостоятельно искать пути улучшения своей жизни. Причем последняя поведенческая стратегия хотя является главной для многих казахстанцев – а в 2010 году доминирующей (55%), – в последующие годы стала менее востребованной: в 2021 г. – 45%, в 2022 г. – 39%.

Эмиграцию как способ решения проблем в случае ухудшения социально-экономической ситуации в стране в 2010г. выбирали только

3% опрошенных, в кризис 2. доля тех, кто пытается уехать из страны в сложной ситуации, заметно выросла, особенно в 2021 г. – 17%.

Обратим внимание, что число тех, кто выберет неконвенциональные способы выхода из кризисной ситуации, такие как участие в организации, добивающейся смены власти или участие в массовых акциях протеста, ни в один из изучаемых периодов не имело значимо высоких величин. Вместе с тем в кризис 2. можно отметить увеличение доли тех, кто примкнет к организации, добивающейся смены власти, в два и более раза: так, если в 2010г. ее показатель составлял 2%, в 2021 г. – 5%, то в 2022 г. доля таких ответов стала еще выше – 7%.

Рисунок 10- Если в ближайшем будущем социально-экономическая ситуация в стране ухудшится, то как Вы поступите? (результаты мониторинговых опросов)

Закljučая этот раздел, отметим, что социально-психологические аспекты социальной напряженности связаны с ощущением несправедливости, неравенства, отсутствием социальных лифтов, разобщенностью общества и недоверием власти. Если сравним показатели одобрения/неодобрения работы исполнительной власти двух кризисных периодов, то можем увидеть, что в период 2009-10гг. проявились адаптирующие способности населения на стадии физиологических и психофизиологических аспектов социальной напряженности и не произошло перевода недовольства на более высокую, социально-психологическую, стадию, в виде резкого падения одобрения работы правительства. В кризис 2. дезадаптация пандемического периода проявилась на примере существенного падения показателя одобрения правительства, и эта тенденция продолжает сохраняться в более спокойный постпандемический период.

Интересно, что в оба периода кризисов пятая часть населения была готова/считала для себя допустимым принять участие в протестных выступлениях, связанных с социально-экономической проблематикой. Однако при этом кризис 2. выявил изменение степени терпения в обществе, выражающееся в уменьшении доли людей, склонных к самостоятельным действиям, в увеличении доли желающих эмигрировать (каждый десятый) и в повышении числа тех, кто пока не знает, как бы он поступил в кризисных условиях (до 10–17%).

Подводя итоги анализа результатов опросов, отметим, что с определенной степенью уверенности можно отнести физиологические и психофизиологические аспекты в Казахстане к фоновым, а социально-психологические к деятельностным, активистским. Фоновые аспекты имеют длительное воздействие, и в большей степени опираются на адаптационные способности населения страны. В то время как социально-психологические аспекты социальной напряженности приводятся в действие силами дезадаптации, поскольку именно невозможность для людей встроиться в социальную систему и почувствовать себя её полноценной частью становится триггером для роста недовольства работой власти, увеличения числа конфликтов и напряженности.

Вместе с тем в обществе есть механизмы, которые помогают казахстанцам эффективно адаптироваться в меняющихся социальных условиях, иногда приводящих к кризисам, в ответе за которые могут быть как внешние (экономические, социальные, экологические и иные) обстоятельства, так и действия властей. Таким механизмом выступает социальное окружение, поддержки внутри семьи. В этой связи можно привести интересное психологическое исследование жителей Казахстана и России, согласно которому «у жителей двух государств социальная напряжённость вы-

зывает в первую очередь тревогу, волнение, нервность, страх, с которыми жители России справляются при помощи регуляторных механизмов, а жители Казахстана – опираясь на социальное окружение». В работе отмечается, что россияне склонны к более сильному, но не очень разнообразным реакциям переживания социальной напряженности, в то время как «жители Казахстана склонны к более сдержанным и более разнообразным реакциям на социальную напряжённость» [13, с. 65] и, добавим, показывают высокие адаптационные способности в периоды кризисов.

Влияние информационного фактора

Итак, казахстанцы показывают, что ресурсы адаптации к кризисным явлениям в экономике у них достаточно высокие. Недовольство и напряженность если и возникает, то сравнительно быстро находит свое разрешение, и не обязательно через протестный выброс социальной энергии. Но при этом есть дополнительные внешние факторы/раздражители, которые могут оказывать воздействие на формирование социальной напряженности. И судя по всему, мощное воздействие на возникновение СН оказывает информационный фактор, работа традиционных и сетевых средств массовой информации.

Коротко остановимся на этом моменте, поскольку не ставили задачу изучения влияния данного фактора и не располагаем необходимым рядом мониторинговых данных. Вместе с тем, согласно исследованию ОФ «ЦСПИ «Стратегия» 2009г. более половины опрошенных выражали свое недовольство качеством информации об экономическом кризисе, которую они получают из газет, радио, телевидения. С одной стороны, поводом для нареканий в адрес СМИ выступали случаи преувеличения с их стороны последствий кризисных явлений, разжигания страстей на пустом месте (18%). С другой стороны, респонденты жаловались на недостаточную откровенность и полноту освещения экономического кризиса в СМИ, что не дает необходимой информации о происходящем (34%). С мнением о том, что информация, которую подают СМИ о кризисных явлениях в стране, является объективной и ее вполне достаточно, чтобы разбираться в происходящем, были согласны лишь 38% респондентов [14, с.9].

В рамках исследования «Быстрая гендерная оценка в отношении covid-19 в Республике Казахстан», проведенного нами в 2020г. по заказу «ООН-Женщины», на основе инструмента, разработанного структурой «Women Count Data Hub», были получены следующие результаты. 53% участников опроса получали информацию о ситуации с пандемией из интернета и социальных сетей (Facebook, Instagram и т.д.), 25% – радио/телевидения/газет, 8% – с по-

мощью мессенджеров и SMS-рассылок (приложения Telegram, Viber, Whatsapp), 8% – с помощью официальных правительственных веб-сайтов, 3% – через ближнее окружение, включая семью и друзей. При этом для 64% опрошенных информация о ситуации с covid в стране была понятной и своевременной, помогала вовремя реагировать на ситуацию, 18% жаловались, что информация была нечеткой, противоречивой, создавала трудности для понимания и своевременной реакции на ситуацию, еще 11% сказали, что информация была понятной, но поступала слишком поздно, чтобы успевать вовремя реагировать на ситуацию, 7% затруднились с ответом. Таким образом, в этот сложный период у трети возникли проблемы с получением информации и принятием адекватных решений.

Итоги опроса 2024 г. подтверждают, что восприятие и оценки населения относительно экономической и социально-политической ситуации в стране формируются в основном на базе материалов средств массовой информации. При этом 35% опрошенных считают, что информации в СМИ много, но зачастую журналисты преувеличивают масштаб явлений, разжигают страсти на пустом месте. 30% полагают, что СМИ недостаточно полно освещают экономическую ситуацию в Казахстане. И только по мнению 28% информацию в СМИ можно назвать объективной и ее вполне достаточно для понимания и выработки своего отношения к ситуации.

Заключение. Позитивно о социальной напряженности

А.С.Ахиезер, автор понятия конструктивная напряженность, считал, что она встроена в любую (суб) культуру и является необходимым элементом существования любого общества [15]. По мнению ученого, нельзя односторонне смотреть на общественные процессы, требуется развитие «социокультурной методологии исследования общества, которая нацелена на выдвижение в качестве фокуса исследования процессов напряженного поиска между противоположностями эффективной деятельности, решений, воплощение которых обеспечивает необходимый уровень обеспечения выживаемости». При этом двойственность, противоречивость предмета не следует расценивать, описывать через виновность одной стороны и невиновность другой, в черно-белом формате. «Причины конфликтов, подчас разрушительных, лежат не в самом факте существования в обществе качественных различий в векторах направленности, но прежде всего в недостаточном культурном развитии общества, особенно недостаточного развития ценности диалога, недостаточной способности искать на основе развития культуры и организационных форм диалога, пути

предотвращения опасностей дезорганизации, катастроф, пути использования специфических ценностей разных процессов для жизнеутверждающего синтеза» [16, с. 99-100].

С этим взглядом согласны исследователи из Института философии, политологии и религиоведения, которые пишут в своей работе, что нельзя трактовать социальную напряженность как однозначно негативное явление. «Зачастую она показывает необходимость преобразований и отражает изменение социальных связей. Определенный уровень социальной напряженности свойственен любому обществу» [4, с. 280]. И если рассматривать «социальное бытие не в статике, но как процесс перехода социума из одного состояния в другое, то можно заключить, что определенный уровень СН оказывается необходимым фактором для поддержания целостности социальной системы» [4, с. 282].

И, в заключение, в качестве примера приведем мнение исследователя, занимающегося изучением трудовых конфликтов, Е.Исмаилова. В своей работе 2022 года он указывает в числе позитивных изменений за два года на «более конструктивное восприятие социально-трудовых конфликтов с точки зрения их последствий для общественного развития. Так, многие теоретики в сфере конфликтологии исходят из того, что конфликты имеют не только негативные, но и позитивные стороны». Исмаилов приводит результаты опроса, согласно которым произошел рост числа экспертов (с 43,2 в 2021 до 51,6% в 2022 году), поддерживающих точку зрения, что урегулирование конфликта приводит к созданию новых форматов взаимодействия между работниками и работодателями; 64,8% в разрешении социально-трудовой напряженности видят возможность выявить скрытые проблемы, привлечь к ним внимание, еще 39,1% полагают, что трудовые конфликты в конечном итоге повышают социальную ответственность работодателей [9]. Т.е., появляются примеры изменения отношения к социальной напряженности среди казахстанских практиков в сторону оценки ее конструктивных сторон.

Безусловно, данная статья не исчерпывает всех возможных подходов к изучению такого сложного, многосоставного, явления, как социальная напряженность. Вместе с тем хотелось бы привлечь внимание исследователей к возможности рассмотрения ее конструктивного потенциала, что будет полезным и в рамках управленческой деятельности государства. Также предлагаем преодолеть сложившуюся нерасчлененность понятия СН, операционализировать его, и попытаться использовать в прогностических целях.

Финансирование

Исследование проведено в рамках грантового научного проекта AP23488744 «Политическое участие в Казахстане: динамика и возможности расши-

рения», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Список литературы

1 Nasimova G. O., Buzurtanova M. M., Saitova N. A. Social protests in Kazakhstan: Factors and trends // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2019. – Т. 35. – № 3. – С. 472–484.

2 Национальные ресурсы НТИ. Отчеты о НИР. Основные факторы социальной напряженности и протестности на региональном уровне (мониторинг протестной активности и социальной напряженности в регионах) // [Электронный ресурс] URL: https://nauka.kz/page.php?page_id=108&id=50541 (дата обращения: 25.04.2025).

3 Мухамеджанов Б. Г., Жусупова А. С. Кризис и казахстанское общество (социологическое измерение). – Алматы: Фонд Первого Президента, КИСЭИП, 2010. – 202 с.

4 Основные факторы социальной напряженности на региональном уровне // В сб.: Ценности и идеалы независимого Казахстана. – Алматы: ИФПИР КН МОН РК, 2015. – 315 с.

5 Шибутлов М., Шибутова Л. Индекс социальной напряженности в Казахстане. – 27.06.2012. // [Электронный ресурс] URL: https://vlast.kz/kz/obsshestvo/indexes_socialnoj_napryazhennosti_v_kazahstane_v_mae-603.html (дата обращения: 25.04.2025).

6 Мустафаев Н. Диагностика межэтнической напряженности от ИПР. – 04.11.2011. // [Электронный ресурс] URL: <https://abai.kz/post/11332> (дата обращения: 25.04.2025).

7 Очаги социальной напряженности на контроле. – 10.07.2023. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/maslikhat-aqmola/press/news/details/585898?lang=ru> (дата обращения: 25.04.2025).

8 Социальная напряженность по сравнению с прошлым годом снизилась – исследование в Алматы. – 28.08.2009. // [Электронный ресурс] URL: https://www.inform.kz/ru/social-naya-napryazhennost-po-sravneniyu-s-proshlym-godom-snizilas-issledovanie-v-almaty_a2194133 (дата обращения: 25.04.2025).

9 Исмаилов Е. Трудовые конфликты в Казахстане: невыученные уроки. – 09.11.2022. // [Электронный ресурс] URL: https://forbes.kz/articles/trudovyye_konflikty_v_kazahstane_nevyuchennyye_uroki (дата обращения: 25.04.2025).

10 Хабдулхабар Ж. В Казахстане создали карты социальной напряженности: как они помогут решить межэтнические конфликты. – 20.03.2021. // [Электронный ресурс] URL: <https://informburo.kz/interview/v-kazahstane-sozdali-kartu-socialnoi-napryazhennosti-cto-pomozet-resit-mezetniceskie-konflikty> (дата обращения: 25.04.2025).

11 Сухов А. Н. Социальная напряженность и конфликтология. // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-napryazhennost-i-konfliktologiya> (дата обращения: 25.04.2025).

12 Нургалиева М. Уровень жизни казахстанцев и проблемы социального неравенства (по результатам социологического исследования). – Алматы: Исследовательский институт международного и регионального сотрудничества при КНУ, 2015. – 101 с.

13 Афанаскин А. Б., Шульга Т. И. Сравнительный анализ восприятия социальной напряженности жителями России и Казахстана // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. – 2024. – № 1. – С. 48–67

14 Отчет по проекту «Динамика социально-политического самочувствия населения Казахстана (ноябрь 2009 года)». – 30 с. // [Электронный ресурс] URL: <https://ofstrategy.kz/ru/research/socialresearch/item/217-dinamika-sotsialno-politicheskogo-samochuvstviya-naseleniya-kazahstana-noyabr-2009-goda> (дата обращения: 29.04.2025).

15 Значение «конструктивная напряженность» в «Основных терминах, используемых в книге А. С. Ахиезера “Критика исторического опыта”» // [Электронный ресурс] URL: <https://slovar.cc/ist/ahiezer/2284137.html> (дата обращения: 29.04.2025).

16 Ахиезер А. С. Архаизация как категория общественных наук // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – Т. IV. – № 1. – С. 89–100.

Transliteration

1 Nasimova G. O., Buzurtanova M. M., Saitova N. A. Social protests in Kazakhstan: Factors and trends // Vestnik SPbGU. Filosofii i konfliktologii. – 2019. – Vol. 35. – No. 3. – Pp. 472–484.

2 Natsionalnye resursy NTI. Otchety o NIR. Osnovnye faktory sotsialnoi napriazhennosti i protestnosti na regionalnom urovne (monitoring protestnoi aktivnosti i sotsialnoi napriazhennosti v regionakh) // [Electronic source] URL: https://nauka.kz/page.php?page_id=108&id=50541 (data obrashheniya: 25.04.2025) (in Russ).

3 Mukhamedzhanov B. G., Zhusupova A. S. Krizis i kazakhstanskoe obshchestvo (sotsiologicheskoe izmerenie) [Crisis and Kazakhstani Society (A Sociological Dimension)]. – Almaty: Fond Pervogo Prezidenta, KISEIP, 2010. – 202 s. (in Russ).

4 Osnovnye faktory sotsialnoi napriazhennosti na regionalnom urovne [Key Factors of Social Tension at the Regional Level]. – Almaty: IFPR KN MON RK, 2015. – 315 s. (in Russ).

5 Shibutov M., Shibutova L. Indeks sotsialnoi napriazhennosti v Kazakhstane [Index of Social Tension in Kazakhstan]. – 27.06.2012. // [Electronic source] URL: https://vlast.kz/kz/obsshestvo/indexes_socialnoj_napryazhennosti_v_kazahstane_v_mae-603.html (data obrashheniya: 25.04.2025) (in Russ).

6 Mustafaev N. Diagnostika mezhetniceskoi napriazhennosti ot IPR [Diagnostics of Interethnic Tension by IPR]. – 04.11.2011. // [Electronic source] URL: <https://abai.kz/post/11332>. (data obrashheniya: 25.04.2025) (in Russ).

7 Ochagi sotsialnoi napriazhennosti na kontrole [Foci of Social Tension Under Control]. – 10.07.2023. // [Electronic source] URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/maslikhat-aqmola/press/news/details/585898?lang=ru> (data obrashheniya: 25.04.2025) (in Russ).

8 Sotsialnaia napriazhennost po sravneniiu s proshlym godom snizilas – issledovanie v Almaty [Social Tension Decreased Compared to Last Year – a Study in Almaty]. – 28.08.2009. // [Electronic source] URL: https://www.inform.kz/ru/social-naya-napryazhennost-po-sravneniyu-s-proshlym-godom-snizilas-issledovanie-v-almaty_a2194133 (data obrashheniya: 25.04.2025) (in Russ).

9 Ismailov E. Trudovye konflikty v Kazakhstane: nevyuchennyye uroki [Labor Conflicts in Kazakhstan: Unlearned Lessons]. – 09.11.2022. // [Electronic source] URL: https://forbes.kz/articles/trudovyye_konflikty_v_kazahstane_nevyuchennyye_uroki (data obrashheniya: 25.04.2025) (in Russ).

10 Khabdulkhabar Zh. V Kazakhstane sozdali karty sotsialnoi napriazhennosti: kak oni pomogut reshit mezhnetniceskie konflikty [Kazakhstan Created Social

Tension Maps: How They Will Help Resolve Interethnic Conflicts]. – 20.03.2021. // [Electronic source] URL: <https://informburo.kz/interview/v-kazaxstane-sozdali-kartu-socialnoi-napryazhonnosti-cto-pomozet-resit-mezetniceskie-konflikty> (data obrashheniya: 25.04.2025) (in Russ).

10 Sukhov A. N. Sotsialnaia napriazhennost i konfliktologiya [Social Tension and Conflictology]. // [Electronic source] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-napryazhennost-i-konfliktologiya> (data obrashheniya: 25.04.2025) (in Russ).

11 Nurgalieva M. Uroven zhizni kazakhstantsev i problemy sotsialnogo neravenstva (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniia) [Kazakhstani Living Standards and Social Inequality Issues (Sociological Survey Results)]. – Almaty: Issledovatel'skii institut mezhdunarodnogo i regionalnogo sotrudnichestva pri KNU, 2015. – 101 s. (in Russ)

12 Afanaskin A. B., Shulga T. I. Sravnitelnyi analiz vospriiatiia sotsialnoi napriazhennosti zhiteliami Rossii i Kazakhstana [Comparative Analysis of the Perception of Social Tension by Residents of Russia and Kazakhstan] // Vestnik Gosudarstvennogo universiteta

prosveshcheniia. Seriya: Psikhologicheskie nauki. – 2024. – No. 1. – Pp. 48–67. (in Russ).

13 Otchet po proektu "Dinamika sotsialno-politicheskogo samochuvstviia naseleniia Kazakhstana (noiabr 2009 goda)" [Project Report "Dynamics of Socio-Political Well-Being of Kazakhstan's Population (November 2009)". – 30 s. // [Electronic source] URL: <https://ofstrategy.kz/ru/research/socialresearch/item/217-dinamika-sotsialno-politicheskogo-samochuvstviya-naseleniya-kazakhstana-noyabr-2009-goda> (data obrashheniya: 25.04.2025) (in Russ).

14 Znachenie "konstruktivnaia napriazhennost" v Osnovnykh terminakh, ispolzuemykh v knige A. S. Akhiezer "Kritika istoricheskogo opyta" [The Meaning of "Constructive Tension" in the Basic Terms Used in A. S. Akhiezer's "Critique of Historical Experience"]. // [Electronic source] URL: <https://slovar.cc/ist/ahiezer/2284137.html> (data obrashheniya: 25.04.2025) (in Russ).

15 Akhiezer A. S. Arkhaizatsiia kak kategoriia obshchestvennykh nauk [Archaization as a Category of the Social Sciences] // Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii. – 2001. – Vol. IV. – No. 1. – Pp. 89–100 (in Russ).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гульмира Токшалыковна Илеуова

президент Общественного фонда «Центр социальных и политических исследований «Стратегия», кандидат социологических наук, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан, gulmira@ofstrategy.kz, ORCID ID: 0000-0001-6349-4720

Гульмира Токшалыковна Илеуова

«Стратегия» әлеуметтік және саяси зерттеулер орталығының президенті, әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан, gulmira@ofstrategy.kz, ORCID ID: 0000-0001-6349-4720

Gulmira Ileuova

President of Public Foundation «Strategia» Center for Social and Political Studies», Acting Associate Professor, al-Farabi Kazakh National University, Candidate of Sociological Science, Almaty, Kazakhstan, gulmira@ofstrategy.kz, ORCID ID: 0000-0001-6349-4720

